

V. I. Karasik (Volgograd) COMMENTS AS A GENRE OF HERMENEUTIC DISCOURSE

The hermeneutic discourse is viewed in contrast to philosophical and utilitarian discourse as the type of discourse that attempts at interpreting a non-evident sense. The genres, or textual types within this discourse are as follows: commentary, parable, koan, etc. Comments are aiming at confirming or supplying additional information, criticizing the thesis or interpreting its additional meaning. Cognition (knowledge), understanding and interpretation are the three basic coordinates in modeling the meaning, each of these three falling into sub-types. Types of understanding correlate with interpretation types: compression and amplification.

КОММЕНТАРИЙ КАК ЖАНР ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Дискурс представляет собой многомерное образование, и его типологизация возможна на основании любого признака. Обычно выделяют типы дискурса на основании социального признака (политический, религиозный, массово-информационный, научный, педагогический, медицинский, рекламный дискурс), на основании коммуникативной тональности (юмористический, ритуальный, эзотерический, фасцинативный, идеологический дискурс), на основании канала общения (компьютерный, телефонный, эпистолярный дискурс), на основании коммуникативной тематики (экономический, экологический, моральный, сказочный, гастрономический дискурс), на основании способов воздействия и информирования (аргументативный, повествовательный, описательный, инструктивный, манипулятивный дискурс). Если обобщить способы осмысления мира в процессе общения как особое – когнитивное – измерение дискурса, то можно выделить философский, утилитарный, герменевтический дискурс. Суть герменевтического дискурса состоит в истолковании некоторого неочевидного смысла. В рамках этого дискурса выделяются его жанры – исторически сложившиеся текстотипы, в частности, комментарий, притча, коан и др. Назначение комментария – подтвердить информацию, уточнить её, выразить критическое отношение к исходному тезису, разъяснить его дополнительный смысл. Важнейшими когнитивными координатами в моделировании смысла являются три феномена – знание, понимание и интерпретация.

Знания как объективная информация о действительности представляют собой неоднородное образование. По признаку полноты информации можно противопоставить фундаментальные и ориентационные знания. Первый тип знаний представляет собой систематизированную, достаточно полную информацию о том или ином объекте, а второй является своего рода тематическим указателем на сферу познаваемой действительности. В первом случае мы оперируем системой понятий и фактов, во втором случае мы имеем общее представление о том, под какой рубрикой располагается интересующая нас информация. Эти типы знания неравноценны в количественном отношении: человек должен иметь широкое общее представление об устройстве мира, но мо-

жет обладать глубокими знаниями лишь в области своих профессиональных интересов либо хобби. Такое принципиальное разделение типов знания зафиксировано в лексической семантике многих языков мира. Противопоставляются глаголы со значением «знать основательно» и «знать поверхностно»: *знать – ведать* (рус.), *kennen – wissen* (нем.), *connaître – savoir* (фр.), *know – be aware of* (англ.). Интересно, что в процессе развития такие глаголы могут зеркально менять свою семантику: в современном русском сознании «ведать» ассоциируется с глубоким проникновением в суть вещей, хотя исторически такое значение было у глагола «знать». Противопоставление фундаментальных и ориентационных знаний коррелирует с противопоставлением дальнейшего и ближайшего значения слова, по А. А. Потебне, и (с некоторыми оговорками) с противопоставлением долговременной и кратковременной памяти. Специфика ориентационного знания состоит в том, что этот тип информации очень лабилен, требует постоянной перепроверки и не ассоциируется с личностными ценностями человека, в то время как фундаментальное знание достаточно стабильно, требует не столько перепроверки, сколько дополнительных доказательств и насыщено личностными смыслами. В определённой мере фундаментальное знание пересекается с верой.

По признаку качества информации можно противопоставить субстанциональное и процедурное знание. Первый тип информации представляет собой систему сведений о том или ином фрагменте действительности в отрыве от способа освоения этой действительности и применения полученных знаний. Второй тип информации содержит своеобразный набор инструкций относительно способов получения определённого знания, типовые модели его адаптации соответственно уровню познающего субъекта и ориентиры его использования в практической деятельности. В первом случае мы задаём вопрос: «Что это?», во втором случае – «Как это можно узнать и для чего это нужно?». Противопоставление субстанционального и процедурного знания в лингвистическом плане коррелирует с путями объяснения новой информации. Передача субстанционального знания представляет собой догматический и имперсональный способ приобщения субъекта к культуре, субъект должен сам выбрать способ такого освоения познаваемого мира, запомнить некую сумму знаний и быть в со-

стоянии её изложить либо применить на практике. Передача процедурного знания сориентирована на тонкую настройку приобретения субъекта к культуре с учётом его индивидуальных особенностей, акцент делается не на усвоении некоторой информации как вещи в себе, а на распредмечивании этой информации для познающего субъекта, на подчеркивании личностных и ситуативных смыслов обретения знания и на формировании определённых когнитивных установок у этого субъекта.

Разумеется, феномен знания представляет собой многомерное образование и не сводится только к названным типам его конкретизации. Так, Г. П. Щедровицкий говорит, что «тип знания определяется, во-первых, характером тех структур мышления и деятельности, в которых знание движется и работает, во-вторых, - характером структур коммуникации, в-третьих, характером структур трансляции, в-четвёртых, характером «машин», производящих эти знания, в пятых, принципами соорганизации и систематизации знаний и, наверно, ещё целым рядом других факторов» (Щедровицкий 1997: 443). Приведённые мною типы – фундаментальное, ориентационное, субстанциональное и процедурное знание – можно рассматривать как ориентиры в интерпретативной деятельности комментатора. Данная схема может быть представлена в виде двухуровневой модели: 1) ориентационное (поверхностное) – фундаментальное (глубокое) знание, 2) фундаментальное знание в свою очередь распадается на субстанциональное (систематизированное) и процедурное (контекстуализируемое) знание.

Если знание – это относительно независимая от человека данность, отделяемый и отчуждаемый объект в виде текстов и других артефактов, то понимание относится к психическим феноменам. Литература, посвящённая феномену понимания, насчитывает тысячи наименований. Приведу дефиницию понимания в изложении А. А. Брудного: «понимание выступает как присвоение знания и обращение его в составную часть психологического механизма, регулирующего деятельность в соответствии с требованиями практики» (Брудный 1998: 26). В. З. Демьянков определяет понимание как когнитивную деятельность, результатом которой является установление смысла некоторого объекта (Демьянков 1996: 124). Когнитивная деятельность как составная часть сознания человека соотносится с другими компонентами сознания –

компетенцией (способностью генерировать акты сознания) и конкретным знанием (результатом когнитивной деятельности) (Там же: 52). В концепции В. З. Демьянкова выделяются девять модулей понимания, каждый из которых сориентирован на решение одной из задач когнитивной системы человека: 1) использование языкового знания (владение языком), 2) построение и верификация гипотетических интерпретаций (постепенное приспособление к меняющемуся контексту), 3) «освоение» сказанного (требующий усилий переход от значения к смыслу; понимание не тождественно узнаванию), 4) реконструкция намерений автора (установление того, что имеется в виду, и распознавание стратегического замысла автора; понимание не тождественно угадыванию), 5) нетождественность внутреннего и модельного миров (граница терпимости к неточностям выражения и к трудностям освоить сказанное), 6) различие фокуса и фона понимания (соотношение осознанных и неосознанных презумпций интерпретатора), 7) изменение информационного запаса интерпретатора (соответствие знаний истине), 8) соотнесение с линией поведения интерпретатора (множественность проявлений понимания - высказанный и невысказанный ответы, демонстрация знания, учет реплик, возможность задавать вопросы), 9) выбор «тональности», или «ключа», понимания (наличие или отсутствие симпатии к собеседнику; соответствие стилю эпохи) (Демьянков 1983: 58-65). В этой сложной многомерной модели понимания устанавливаются такие его параметры, как ориентация понимания на объект, на свой внутренний мир, на внутренний мир партнёра по общению, на когнитивный инструментарий, на меняющуюся ситуацию общения, на культурный фон общения. В терминологии цитируемого автора противопоставляются три момента: 1) понимание и уразумение (индивидуально-личностное постижение ситуативного смысла и схватывание объективного мира, причинности и т. д.), 2) понимание и интерпретация (целостный процесс и его элементарная процедура), 3) понимание и понятность (психический процесс и объективные характеристики текста или любого предмета, который предстоит понять).

Иначе трактуют понимание и сопряжённые с ним феномены другие исследователи. Г. И. Рузавин считает интерпретацию базисной операцией герменевтики, исходной операцией нашего сознания вообще и мышления в частности. При таком толковании

выделяются следующие этапы интерпретации: 1) интуитивное постижение (в простых случаях), 2) рациональное познание в форме гипотез, законов, теорий, 3) объяснение как завершающая фаза интерпретации (Рузавин 1983: 62-68). В. П. Филатов отмечает, что «вопрос о понимании возникает тогда, когда существует разрыв в опыте людей, когда человек уже не может исходить из неявно принимаемого постулата о тождественности (непрерывности и интересубъективности) собственного опыта и опыта других людей» (Филатов 1983: 71-73). Такой разрыв в опыте проявляется в трёх основных типах ситуаций: а) диалог, б) перевод, в) интерпретация текста. В диалоге главное – понимание личностных смыслов, в переводе требуется понимание не только интенций, но и референтов, в интерпретации текста необходимо понимание как личностных смыслов, так и содержания (Там же: 73). Бахтинская идея диалогичности как условия взаимопонимания и общения является аксиомой современной антропологической лингвистики. Думается, что вряд ли можно выделять в качестве этапов интуитивное и рациональное понимание, каждый из этих типов понимания в известной мере самостоятелен, это разные способы освоения мира, человек может через инсайт прийти к пониманию чего-либо после долгих дискурсивных построений.

Г. И. Богин выделяет три типа понимания: 1) семантизирующее (декодирование единиц текста, понимание значений слов), 2) когнитивное (освоение содержательной информации) и 3) смысловое (феноменологическое, или распредмечивающее, личностно-ситуативное осмысление) (Богин 1986: 15). Герменевтическая модель Г. И. Богина дает возможность раскрыть объяснительный потенциал соотношения языка, культуры и языковой личности.

Л. Г. Васильев противопоставляет следующие интенциональные типы понимания: узнавание, постижение, декодирование, осмысление и интерпретацию (цит. по: Филатова 2007: 7). Данная исследовательская схема хороша тем, что учитывает разные ситуации, требующие интенциональных усилий для осмысления: в быту достаточно что-либо просто узнать (опознать), в теоретическом рассуждении или в жизненной коллизии мы приходим к постижению сути вещей, при столкновении с неизвестным знакомым произведением мы пытаемся его декодировать, расширяя свой жизненный опыт, мы проходим через осмысление различных ситуаций (это – наиболее значимый и вариативный тип по-

нимания), и, наконец, передавая наш опыт другому, мы прибегаем к интерпретации (я бы выделил в рамках интерпретации объяснение и перевод). В известной мере приведенная схема пересекается с моделью В. В. Знакова, который обосновывает формы понимания (понимание-узнавание, понимание-прогнозирование, понимание-объединение, понимание-объяснение) (Знаков 2005).

Заслуживает внимания выделение трех способов философского понимания с опорой на греческую традицию в трактовке Г. Г. Майорова, который противопоставляет софийное, эпистематическое и технематическое понимание (сориентированное в первом случае на мудрость, во втором – на научное знание, в третьем – на изобретательность и ловкость мышления) (Майоров 2000). Эти способы понимания относятся не только к философии, они отражают принципиально различные установки мировосприятия: определение смысла, систематизацию знания и получение удовольствия от интеллектуальной практики (последний тип понимания созвучен весьма актуальному в наши дни игровому отношению к жизни и поэтому заслуживает особого внимания). С точки зрения учёта контекста для понимания того или иного объекта, противопоставляются два типа интерпретации: экзегетика (изначально – толкование священных текстов, а затем, в расширительном смысле – любое толкование, учитывающее культурный контекст) и декодирование (изначально – расшифровка, а затем – объяснение текста с опорой только на его единицы и систему связей между ними, такой тип интерпретации оптимально подходит для текстов, принадлежащих древним эпохам или малоизвестным культурам).

Понимание противопоставлено непониманию, при этом проблема непонимания имеет несколько измерений. Во-первых, выделяются степени и типы непонимания (поверхностное, неполное, ошибочное понимание, недоразумение и т. д.). Во-вторых, требуют осмысления причины непонимания, эти причины, как отмечает О. Б. Соловьев, имеют различную природу: часто происходит подмена смысла субъективным переживанием и понимания – пересказом при нерефлексивном понимании, имеет место подмена рефлексивной объективации гипостазированием, типичны подмены последовательно проведённой рефлексивной объективации единичным актом рефлексии, распредемечивания – рефлексивной объективацией (Соловьев 2009).

Итак, понимание представляет собой освоение знания, и с учетом выделенных ранее четырех типов знания можно предложить соответствующие им типы понимания: поверхностному знанию соответствует узнавание, глубокому знанию – уразумение и постижение. В такой схеме противопоставляются узнавание и понимание, при этом узнавание сориентировано на систему значений или – в более широком плане – на стабильный содержательный минимум тех ментальных образований, которые образуют коллективную картину мира для определённого социума, в то время как понимание сориентировано в двух направлениях – на глубокое понимание причинных и других системных отношений познаваемого объекта и на раскрытие его смысла, личностно-ситуативной значимости этой информации для субъекта. В таком противопоставлении уразумение соответствует эпистематическому пониманию, а постижение – софийному пониманию явления. Уразумение представляет собой длительный и, как правило, дискурсивный процесс, а постижение может быть как дискурсивным, так и моментальным, в виде озарения. Постигание сопряжено с мощным эмоциональным переживанием. Уразумение соответствует когнитивному пониманию, а постижение – смысловому, или распредмечивающему, пониманию (в трактовке Г. И. Богина). Отмечу, что термин «поверхностное понимание» в данном контексте не содержит отрицательной оценки, такое понимание представляет собой узнавание (внутренняя форма слова *recognition* более ясно передает природу этого явления, перед нами соотнесение нового и прежнего знания, повторное осмысление по сложившейся модели). Поверхностное понимание – необходимый инструмент в ежедневной обиходной жизни, у нас бы не хватило ресурсов памяти глубоко вникать во все происходящие с нами события, и более того, такое глубокое осмысление нерелевантных явлений приводило бы к полному фиаско в практической деятельности. Поверхностное понимание в значительной мере автоматизировано. Что же касается соотношения субстанционального и процедурного знания, с одной стороны, и уразумения и постижения, с другой стороны, то в этом соотношении каждый из компонентов связан со всеми остальными.

Понимание есть усвоение знаний для себя, и, с позиций лингвистики, необходимым завершением понимания является экстериоризация знаний, их фиксация и передача другим людям. В ос-

нову классификации интерпретации как передачи осмысленной информации могут быть положены различные критерии: объективность, развернутость, эксплицитность и др. Выделяемые при этом типы интерпретации в значительной мере условны: грани между объективностью и субъективностью, сжатостью и развернутостью, эксплицитностью и имплицитностью носят размытый характер. В семиотическом плане можно выделить прагматические, семантические, синтактические и сигматические типы интерпретации. С позиций прагматики (отношение к интерпретатору) выделяются перформативность (имеется в виду юридический, научный, теологический и т. д. статус комментатора) и адаптивность интерпретации (содержательное и формальное соответствие знаний уровню адресата). С позиций семантики (отношение к миру) интерпретативные тексты противопоставляются по тематике (область знаний) и инференции (выводимость - соотношение выраженной и выводимой информацией). Признак инференции является важнейшим семантическим показателем интерпретации, поскольку её назначение состоит в разъяснении неочевидного. С позиций синтактики (отношение к другим знакам, в данном случае - к другим текстам) мы обращаем внимание на то, является ли интерпретация частью какого-либо текста либо образует целостный текст, например, развернутый завершённый комментарий. С позиций сигматики (отношение к форме знака, в данном случае - к языку толкования) анализируется код передачи знаний.

По своей тематике комментарии бывают богословскими, юридическими, историческими, политическими, филологическими, культурологическими и др. В эпоху постмодерна появился фикциональный комментарий (Беляева 2009). Комментарий часто бывает частью или компонентом того или иного дискурса, но может быть и самостоятельным развернутым дискурсивным образованием.

По аналогии с типами понимания и знания можно выделить соответствующие им типы интерпретации: компрессия и амплификация, т. е. информационное сжатие и расширение, при этом назначение компрессии - соотнести осмысленную информацию с имеющимся знанием, а назначение амплификации - акцентировать прирост новой информации. Компрессия в определённой мере соответствует коммуникативной теме, а амплификация -

реме общения. Амплификация в свою очередь распадается на два подтипа: ассоциативно-художественное и рационально-дискурсивное расширение информации.

Комментарий как уточнение ориентационного знания широко распространен в обиходном дискурсе:

Я в прошлое воскресенье был у друзей на даче, это недалеко, минут пятнадцать езды от Спартановки... (Адресат, если он живёт в Волгограде, представляет себе примерную карту местности и может понять, о чём идёт речь).

В научном гуманитарном дискурсе поясняющий комментарий соотносит новое понятие с известными в науке сведениями:

Под деятельностью принято понимать специфически человеческую форму осознанного и целенаправленного активного отношения к окружающему миру. Иногда деятельность противопоставляют поведению как неинтенциональной, нецеленаправленной активности (Сусов 2009: 59). Поясняющий комментарий устанавливает смысловые дистинкции между понятиями «деятельность» и «поведение». В этом комментарии лаконично определяются важнейшие признаки человеческой активности – осознанность и целенаправленность (интенциональность), при этом подготовленный читатель понимает, опираясь на сложившуюся у него систему понятий в данной области, что человеческая активность не сводится только к названным признакам, и что такое определение требует уточнения понятий «цель», «мотив», «интенция», «действие» и др.

Систематизация знания представляет собой важнейшую характеристику уразумения (эпистематического понимания). Например:

Среди главных характеристик экранного трэш-продукта можно выделить следующие:

- *Содержание определяет культура повседневности. Реальность исследуется не в рамках системы «человек – бытие», а в рамках системы «человек – быт». При этом не важно, кто является документальным героем – знаменитость, обыватель или историческая личность.*
- *Обращение к телесному, к проблемам и потребностям «низа».*
- *Доминанта эстетики безобразного.*

• В семантическое поле документального телеэкрана попадает в основном материал, отвечающий принципам сенсационности и экстремальности, патологии и извращённости (Манскова 2009).

Характеризуя стиль «трэш» в телевизионной документалистике, Е. А. Манскова систематизирует его признаки и определяет их ценностные основания (быт в противоположность героике, телесное в противоположность духовному, безобразное в противоположность прекрасному и экстремальное в противоположность нормальному). В этом аналитическом комментарии сформулированы существенные характеристики современной массовой культуры – ориентация на толпу, понижение уровня толпы и привлечение внимания толпы.

Представляет интерес комментарий в рамках юридического дискурса. Например:

Статья 19 (гражданского кодекса) РФ Имя гражданина

1. Гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая.

В случаях и в порядке, предусмотренных законом, гражданин может использовать псевдоним (вымышленное имя).

Комментарии к Статье 19 (гражданского кодекса) РФ Имя гражданина:

1. Право на имя относится к личным неотчуждаемым правам граждан. Имя, отчество и фамилия индивидуализируют личность. Согласно Конвенции о правах ребенка “ребёнок приобретает право на имя с момента рождения”.

2. В ст. 52 Семейного кодекса установлено, что имя ребёнку дается по соглашению родителей, отчество присваивается по имени отца, если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации или не основано на национальных обычаях. Фамилия ребенка определяется по фамилии родителей, а когда они носят разные фамилии – по соглашению между ними, если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации. Разногласия между родителями по поводу имени или фамилии ребенка разрешаются органами опеки и попечительства.

Если отцовство ребёнка не установлено в предусмотренном законом порядке, то имя ребёнку дается по указанию матери,

отчество – по имени лица, записанного в свидетельстве о рождении ребенка в качестве его отца, а фамилия – по фамилии матери.

Имя, отчество и фамилия регистрируются в органах загса (см. ст. 47 ГК и коммент. к ней).

Данный комментарий является официальным документом, на основании которого в правовых органах могут приниматься решения. В комментарии к статье Гражданского кодекса Российской Федерации уточняется тип соответствующего права личности, начало правообладания, способ правоприменения и фиксации права. Эти сведения образуют систему знаний в рамках правовой картины мира, зафиксированной в кодексе. Разумеется, в кодексе невозможно учесть все возможные отклонения от принятых в обществе норм поведения, но типовые модели поступков предусмотрены в комментариях к основному документу (это относится, например, к возможным спорам между супругами об имени и фамилии ребенка или о праве человека сменить имя). В Интернете были отмечены случаи, когда родители пытались дать детям имена нестандартные (например, в виде чисел) или провокационные (например, слово *Джихад* как имя ребёнка в европейской стране). Грань между игровым и серьёзным отношением к действительности является очень зыбкой.

В качестве части дискурса комментариев представляет собой распространённый приём расщепления линейной организации любого общения, в том числе и обиходного. Его функции разнообразны – это выражение собственной позиции, рассуждение, уточнение, выражение сомнения и т. д. Например:

Официально объявлено, что в начале октября 2009 г. в России появится монета достоинством 10 рублей. Монета будет чеканиться из стали с жёлтым покрытием и со временем заменит десятирублёвые купюры, которые быстро изнашиваются. Диаметр монеты – 22 миллиметра – и её цвет вызывают ассоциации с известным царским и затем советским червонцем, который воспринимается как символ богатства и финансовой стабильности.

В комментарии к официальному сообщению излагается рассуждение автора, раскрывающее символическую значимость обсуждаемого явления.

Образцом рассматриваемого жанра является комментарий Ю. М. Лотмана (1983) к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

В нём противопоставляются предметные, текстуальные и концепционные комментарии, первые разъясняют реалии, вторые объясняют значения тех или иных слов, ставших непонятными сегодня, третьи характеризуют идеи, требующие пояснения.

Прототипной разновидностью комментария выступает разъясняющий комментарий. Например, современный читатель может пройти мимо того факта, что Онегин ни дня не служил в армии или в государственном учреждении, и это делало его сразу же в глазах современников белой вороной. Заслуживает внимания и неслучайный эпитет «вальс безумный»: во времена Онегина этот новый танец считался в известной мере непристойным, слишком вольным (по сравнению с полонезом или мазуркой) и простонародным. Наши современники вряд ли знают значение слова «котильон»: *«Котильон – вид кадрили, один из заключающих бал танцев – танцевался на мотив вальса и представлял собой танец-игру, самый непринуждённый, разнообразный и шаловливый танец. <...> Там делают и крест, и круг, и сажают даму, с торжеством приводя к ней кавалеров, дабы избрала, с кем захочет танцевать, а в других местах и на колена становятся перед нею; но чтобы отблагодарить себя взаимно, садятся и мужчины, дабы избрать себе дам, какая понравится <...> Затем следуют фигуры с шутками, подавание карт, узелков, сделанных из платков, обманывание или отскакивание в танце одного от другого, перепрыгивание через платок высоко...»*. Кстати, Ленский смертельно обиделся на Онегина за то, что Евгений пригласил Ольгу на последний танец, а во время этого танца влюбленный Ленский собирался сделать важное признание своей избраннице. *«Котильон мог длиться от полутора до двух часов и более, что было мукой для нетанцующих участников бала»* (Пеньковский 2005: 160). Ленский покинул бал.

Наши современники не вполне понимают, почему Онегин во время дуэли не выстрелил в воздух. Этот момент носит культурно-концептуальный характер. Ю. М. Лотман дает следующее объяснение: *«Возникает, однако, вопрос: почему все-таки Онегин стрелял в Ленского, а не мимо? Во-первых, демонстративный выстрел в сторону являлся новым оскорблением и не мог способствовать примирению. Во-вторых, в случае безрезультатного обмена выстрелами дуэль начиналась сначала, и жизнь противнику можно было сохранить только ценой собственной смерти*

или раны, а бретёрские легенды, формировавшие общественное мнение, поэтизировали убийцу, а не убитого. Напомним правило дуэли: «Стрелять в воздух имеет только право противник, стреляющий вторым. Противник, выстреливший первым в воздух, если его противник не ответил на выстрел или также выстрелил в воздух, считается уклонившимся от дуэли...». Правило это связано с тем, что выстрел в воздух первого из противников морально обязывает второго к великодушию, узурпируя его право самому определять своё поведение чести» (Лотман 1983). Почему Онегин выбрал дуэль на пистолетах, а не на саблях? А. Б. Пеньковский объясняет ситуацию следующим образом: «... фехтовальная дуэль почти никогда не приводила к большой крови и не считалась инструментом Божьего суда, решавшего исход поединка с выбором между жизнью и смертью. Такая дуэль могла быть увлекательным спортивным зрелищем на публичных вечерах, рядом с декламацией, танцами и вокальными номерами, на неё шли драчуны-фанфароны и трусливые забияки (преимущественно из числа военной молодёжи), которые, предлагая сабельный вызов, наперёд были уверены, что жизнью они не рискуют» (Пеньковский 2005: 26). И далее: «Дуэль на саблях не украшала репутации дуэлянтов», хотя «умение «рубиться» («биться на саблях») входило в круг навыков, обязательных для русского офицерства той эпохи» (Там же: 49).

Подтверждающий комментарий делается с целью зафиксировать правдивость или правдоподобие излагаемой информации. Строки «Служив отлично-благородно, долгами жил его отец» толкуются в цитируемом комментарии Ю. М. Лотмана следующим образом: отец Евгения (кстати, его имя ни разу не упоминается в романе, и это составляет одну из загадок произведения) был чиновником, формула «отлично-благородно» использовалась при аттестации чиновников, подобно клише из характеристик советского времени («политически грамотен, морально устойчив»). Во времена Онегина дворяне часто жили не по средствам: «... столичное дворянство, начиная с екатерининских времен, поголовно было в долгах. Одной из причин всеобщей задолженности было сложившееся в царствование Екатерины II представление о том, что «истинно дворянское» поведение заключается не просто в больших тратах, а в тратах не по средствам» (Лотман 1983).

Уточняющий комментарий конкретизирует наши сведения о содержании произведения. Так, например, Ю. М. Лотман справедливо полагает, что современный читатель вряд ли адекватно осмыслит следующее выражение, используемое при описании правил поведения в доме Лариных: *«Носили блюда по чинам. – Обычай, согласно которому слуги обносят гостей, предлагая им кушанья в соответствии с иерархией их чинов. При таком порядке малочиновные гости видели перед собой почти пустые блюда, а дорогими винами их вообще иногда обносили. В источниках той поры встречается анекдот, согласно которому нечиновный гость на милостивый вопрос хозяина, доволен ли он обедом, отвечал: “Благодарю, ваше сиятельство, всё видел-с”»* (Лотман 1983).

Критический комментарий ставит под сомнение информацию в тексте. В черновом варианте романа «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» мы сталкиваемся с любопытным примером авторского комментария: *«Бренчат кавалергарда шпоры... – Кавалергард – офицер кавалергардского полка, привилегированного полка гвардейской тяжелой кавалерии, созданного при Павле I в противовес уже существовавшему конногвардейскому полку. Обязательный высокий рост и белый расшитый мундир делали фигуры кавалергардов заметными в бальной толпе. В черновом варианте к тексту полагалось примечание: “Неточность. – На балах кавалергардские офицеры являются также как и прочие гости в виц-мундире в башмаках. Замечание основательное, но в шпорах есть нечто поэтическое. Ссылаюсь на мнение А. И. В.” Попытка снабдить поэтический текст оспаривающим его комментарием в прозе примечательна, поскольку создаёт картину диалогического спора между автором-поэтом и автором-прозаиком. А. И. В. – Анна Ивановна Вульф (1799 – 1835) в замужестве – Трувеллер, приятельница П., предмет его неглубокого увлечения»* (Лотман 1983).

Резюмирую.

Одним из измерений дискурса является характеристика коммуникативных способов осмысления мира, в рамках этого измерения можно выделить герменевтический дискурс, суть которого состоит в истолковании неочевидного смысла.

Общая модель истолкования смысла может быть представлена как трёхмерное образование: знание – понимание – интерпретация. Каждая из сторон этого образования измеряется в количе-

ственном и качественном отношениях. Можно противопоставить ориентационное и фундаментальное знание, в рамках последнего выделяются субстанциональное и процедурное знание. Типам знания соответствуют узнавание и понимание, при этом выделяются уразумение как систематизирующее понимание и постижение как смыслообразующее понимание. Типы понимания коррелируют с типами интерпретации – компрессия как выражение ориентационного знания, направленного на узнавание, и амплификация как выражение фундаментального знания, направленного на уразумение и постижение. Амплификация проявляется в ассоциативно-художественном и рационально-дискурсивном модусах интерпретации.

Комментарий как жанр герменевтического дискурса представляет собой вторичное текстовое образование и выполняет функции разъяснения, подтверждения, уточнения и критической оценки информации, которая содержится в исходном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева И. С. Фикциональный комментарий в литературе постмодернизма : на материале произведений Владимира Набокова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009.
2. Богин Г. И. Типология понимания текста : учеб. пособие / Г. И. Богин. – Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1986. – 88 с.
3. Брудный А. А. Психологическая герменевтика: учеб. пособие / А. А. Брудный. – М. : Лабиринт, 1998. – 336 с.
4. Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. – 1983. – №6. – С. 58-67.
5. Демьянков В. З. Понимание // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 124-126.
6. Знаков В. В. Психология понимания: проблемы и перспективы / В. В. Знаков. – М. : Ин-т психологии РАН, 2005. – 448 с.
7. Ионова С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2006. – 37 с.
8. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН». Комментарий: Пособие для учителя / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1983. – 416 с.
9. Манскова Е. А. Роль трэш-эстетики в формировании современной концепции телевизионной документалистики

Е. А. Манскова // Телевидение. 2009. Вып. 1. [Электронный ресурс] www.mediascope.ru/taxonomy/term/3

10. Майоров Г. Г. София. Эпистема. Технема (Размышления о способах понимания философии в ходе истории) / Г. Г. Майоров // Вестник Московского университета. – Серия 7. – Философия. – №4. – 2000. С. 88-106.

11. Пеньковский А. Б. Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики / А. Б. Пеньковский. – М. : Языки славянских культур, 2005. – 315 с.

12. Рузавин Г. И. Герменевтика и проблемы интерпретации, понимания и объяснения / Г. И. Рузавин // Вопросы философии. – 1983. – № 10. – С.62-70.

13. Соловьев О. Б. Рефлексивные механизмы социокультурной динамики понимания: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. – Новосибирск, 2009.

14. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – Винница: Нова Книга, 2009. – 272 с.

15. Филатов В. П. К типологии ситуаций понимания / В. П. Филатов // Вопросы философии. – 1983. – № 10. – С. 71-78.

16. Филатова О. М. Лингвоэстетическое исследование интерпретаций поэтического текста (на материале переводов стихотворения Г. Гейне «*Ich weiß nicht was soll es bedeuten...*»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2007. – 18 с.

17. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология / Г. П. Щедровицкий. – М. : Школа Культурной Политики, 1997. – 656 с.

Получено 15.09.2009

Карасик, Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета; vkarasik@yandex.ru